

Жилище и резной орнамент в контексте мифологических представлений чувашей

<https://doi.org/10.31483/r-151848>

УДК 398.34

Матвеев Г. Б.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
г. Чебоксары, Российская Федерация.
 <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>, e-mail: matweev.georgij@yandex.ru

Резюме. В настоящей статье рассмотрены мифологические представления, символы, образы и сюжеты, связанные с жилищем и постройками, а также космогонические и обережные мотивы, которые отразились в резьбе ворот и архитектурных элементов дома чувашей. В основу статьи положены опубликованные труды по этнографии, мифологии, народному зодчеству чувашей XIX — начала XXI вв., архивные источники, полевые материалы автора, собранные в разные годы в Чувашской Республике, Республике Татарстан, Ульяновской области. В статье на основе наблюдений автора и выявленных им архивных документов рассмотрены магические обряды и культовые действия, сопровождающие строительство дома, его обживание. Элементы и зоны жилища — дверь, стены, углы, части (локусы) дома, дымовое отверстие — играли важную роль в организации его сакрального пространства. Восточная сторона дома и двора считалась священным местом, где совершали семейные обряды. В резном орнаменте ярко отразились мифологические представления чувашей. Резчики использовали роговидные мотивы, орнитонимы, яркость подзоров, представляющую некоторую аналогию с ярусами мира, многочисленные разновидности оберега, изображение факела с пылающим пламенем (культ огня) и другие сюжеты.

Ключевые слова: чувашы, мифология, жилище, оберег, орнамент, центр, строительные обряды, божества и духи.

Для цитирования: Матвеев Г. Б. Жилище и резной орнамент в контексте мифологических представлений чувашей // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 4. С. 23–29. DOI 10.31483/r-151848. EDN XCIECQ

Research Article

Houses and Carving Ornaments in the Context of Chuvash Mythology

Georgii B. Matveev

Chuvash State Institute of Humanities of Ministry of Education & Youth of Chuvash Republic
Cheboksary, Russian Federation.
 <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>, e-mail: matweev.georgij@yandex.ru

Abstract. This article examines the mythological ideas, symbols, images, and plots associated with housing and outbuildings, as well as the cosmogonic and protective motifs that are reflected in the carvings of the gates and architectural elements of the Chuvash house. The article is based on published works on the ethnography, mythology, and folk architecture of the Chuvash people in the 19th and early 21st centuries, as well as archival sources and the author's field materials collected in various years in the Chuvash Republic, the Republic of Tatarstan, the Ulyanovsk Region. The elements and zones of the dwelling, such as the door, walls, corners, and parts (locuses) of the house, as well as the smoke hole, played an important role in the organization of its sacred space. The eastern side of the house and yard was considered a sacred place where family rituals were performed. The carved ornamentation vividly reflects the mythological beliefs of the Chuvash people. The carvers used horn-shaped motifs, ornithonyms, and tiered borders (some analogy with the tiers of the world), numerous varieties of amulets, the image of a torch with a blazing flame (the cult of fire), and other subjects.

Keywords: mythology, Chuvash, dwelling, center, construction rituals, deities and spirits, ornamentation, and amulets.

For citation: Matveev G. B. (2025). Houses and Carving Ornaments in the Context of Chuvash Mythology. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 7(4), 23–29. EDN: XCIECQ. <https://doi.org/10.31483/r-151848>

Введение

Предметы материальной культуры заключают в себе специфически выраженное мифологическое содержание, оказываются вещественным воплощением мотивов, образов, представлений традиционного мировоззрения. Эти мифологические связи очень важны для понимания функции вещей, их социальной роли¹.

Жилище — точка отсчета и одновременно — центр притяжения. Оно соотносилось с масштабами космоса, выступало аналогом центральной оси, соединяющей зоны мироздания, наделялось свойствами срединного объекта. Жилище являлось сакральным центром, защитой от внешнего мира.

Феномен материальной культуры, в частности, жилища и его архитектурно-декоратив-

ного оформления, семантика самых разных предметных символов в неразрывном контексте традиционного мировоззрения изучались на материалах культуры ряда тюркских и финно-угорских народов².

² Егоров Н. И. Чувашская мифология // Культура Чувашского края : учебное пособие. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1994. Часть 1. С. 142–143; Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1998. 63 с.; Салмин А. К. Система фольклор-религии чувашей. Санкт-Петербург : Наука, 2007. С. 42–489; Чувашская мифология : этнографический справочник. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2018. С. 150, 182–183, 190–191, 308–310, 330–331, 373–374; Родионов В. Г. Эволюция пространства внутреннего жилища чувашей и их предков // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 136–145; Валеев Ф. Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань : Татарское книжное издательство, 1984. 171 с.; Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. Москва : Наука, 2010. 456 с.; Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология : этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007. С. 194–199; Христолюбова Л. С. Предметный мир обрядов // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX вв. Ижевск, 1991. С. 157–176.

¹ Материальная культура и мифология : сборник статей Музея антропологии и этнографии. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1981. Выпуск 38. С. 3.

Исследователи подчеркивали владение чувашскими резчиками сложной по технике исполнения скульптурной резьбой, своеобразие сакральных мотивов орнамента³.

Цель исследования — проанализировать мифологические представления чувашей, связанные с жилищем. Для ее достижения поставлены следующие задачи: рассмотреть сакральные действия строительных обрядов, показать мифопоэтическое осмысление дома как центра и статус его пространственных параметров, выявить обережные функции резного орнамента.

Материалы и методы исследования

В качестве источниковой базы исследования послужили архивные и полевые материалы, данные фольклора, языка, опубликованные источники. В частности, полевые материалы собирались автором во всех этнографических группах чувашей: в 2002 г. — в чувашских селениях Присвияжья (Татарстан и Ульяновская область), 2003, 2004, 2015 гг. — в Чувашской Республике.

С точки зрения автора, особенную ценность в жилище представляли мифологизированные элементы обрядовой практики, орнаментальные мотивы, в том числе выявленные в этнотерриториальных группах чувашей (приволжской, заволожской и др.). В них нашли отражение имеющие древние основы культы, связанные с магией (символы плодородия, обереги), мифологические символы жертвенных животных (коня, петуха, быка). В работе приводятся параллели с мифологией тюркских, финно-угорских народов, резным орнаментом народов Дагестана.

В исследовании применялись комплексный и междисциплинарный подходы и специальные методы (наблюдение, интервью).

Результаты исследования и их обсуждение

В процессе обустройства усадебных мест происходило преобразование дикой природы в культурную среду, упорядочивание и освящение осваиваемого пространства. Согласно чувашскому мифу, там, где олень или бык-путеводитель останавливался (через мифологические семь верст), первые жители основывали селения [Матвеев, 2023, с. 340]. Судя по преданиям, предпочтительным местом для заселения являлась возвышенность. Соответственно первые селения располагались на холме (первосуша), внизу имелось озеро или обширное болото (ассоциация с мировым океаном). У чувашей, как и у многих народов, счастливым для строительства дома считалось то место, на которое ложилось животное (чаще фигурирует корова), остановится, ложится, отелится, принесет приплод⁴. Это было связано с приписыванием ему плодородной, производительной силы. Не приступали к строительству дома при убывающей луне,

удачным считалось завершение работ на старую луну⁵. Не допускалось строительство дома на месте ворот, где приносилось жертвоприношение умершим родственникам, наиболее желательным было старое место⁶.

Перед строительством дома, встав в сторону востока, читали молитву, адресованную властителю земли *Їр йиш*. По серебряной нухратке и горсти ржи клали во все углы в честь божества фундамента Никёси. Обряд никёс пӑтти (букв. каша фундамента) после укладки нижних венцов посвящали как ему, так и *Їрт су-ратан Турӑ* — божеству, рождающему жилище⁷. Ряд обычаев, например, принесение в жертву монет и шерсти на первый или третий венец и запускание животного при вселении в новый дом⁸, бытовали еще в конце XX в. Эти жертвы и обычаи являются стадийно поздними, они сменили более древнюю живую жертву. Как показывает археологический материал, в древности существовал обычай закапывать под порог строящегося дома череп волка (или сменившую его собаку) или волчью шкуру, чтобы оградить род, семью от злых сил. У башкир функционировал обычай закапывать под ворота череп волка, чтобы домашняя живность была в целостности и сохранности⁹.

Укладка матицы являлась ритуализированным действием, направленным на обеспечение благополучия дома, достатка и плодovitости. В войлок заворачивали матицу с караваем хлеба и тихо поднимали ее¹⁰. С этой частью конструкции дома у разных народов связывались представления о благополучии возводимого жилища. Нейтрализации опасной семантики неосвоенного жилья были посвящены специальные обряды перехода в новый дом. В первые три ночи запрещалось ночевать в новом доме, поэтому туда вначале пускали животное — кошку или курицу, чтобы оградить от злых сил¹¹. На пороге закапывали также жертвенную курицу. Кашу для домашнего духа *Хёрт-сурт* чуваша варили в старом доме и несли в новый, приглашая духа-хранителя в новую избу¹². Эти ритуалы призваны были способствовать преемственности между старым и новым домами. Во вновь построенном жилище зажигали новый огонь, что означало внесение жизни или житнетворение. Этим мотивом объясняется обычай приглашения свадьбы (молодых) во вновь построенный дом. По случаю новоселья, соответственно, высказывалось пожелание, что-

⁵ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИИГН). Отдел 1. Единица хранения 308. Лист 93.

⁶ Матвеев Г. Б. О некоторых особенностях традиционного жилища чувашского населения Татарской АССР, Ульяновской и Куйбышевской областей // Культура и быт низовых чувашей. Чебоксары, 1986. С. 36.

⁷ Матвеев Г. Б., Фокин П. П. Производственная и строительная обрядность // Чуваша. Москва : Наука, 2017. С. 457–470.

⁸ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1935. Выпуск 9. С. 89.

⁹ Хисамитдинова Ф. Г. Указанное сочинение. С. 72.

¹⁰ Никольский Н. В. Собрание сочинений. Том 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2004. С. 37.

¹¹ Чӑваш халӑх пултаруӑхӗ. Сӑнавсемпе ӗненӗсем. Тӗлӗксем / пухса хатӗрленӗ, ум сӑмахпа ӗнлантарусене сыраканӗ Е. В. Федотова. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке издательстви, 2009. С. 190; Девяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006. С. 154.

¹² Салмин А. К. Семантика дома. С. 8.

³ Воробьев Н. И. Резьба по дереву у чувашей // Советская этнография. 1956. № 4. С. 143–147; Никитин Г. А., Крюкова Т. А. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары : Чувашское государственное издательство, 1960. 168 с.; Чижилова Л. Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские: историко-этнографический атлас. Москва, 1970. С. 18–37.

⁴ Чӑваш халӑх пултаруӑхӗ. Тавралӑх халапӗсем. 2-мӗш кӗнеке / пухса хатӗрленӗ, ум сӑмахпа ӗнлантарусене сыраканӗ О. Н. Терентьева. Шупашкар, 2017. С. 137.

бы в доме не погас огонь¹³. Поверья, обычаи и обряды наиболее стойко держались у некрещеных чувашей.

Жилище — точка отсчета и одновременно притяжения. Оно соотносилось с масштабами космоса, выступало аналогом центральной оси, соединяющей зоны мироздания, представляло собой модель Вселенной, наделялось свойствами срединного объекта. Реальные границы дома — дверь, стены, углы, части (локусы) дома, дымовое отверстие — играли важную роль в организации его сакрального пространства. Жилище являлось священным центром, защищающим от внешнего мира. Мифопоэтическое осмысление дома как центра отражено в мифологической песне: *В центре великого двора круглый дом, / в центре круглого дома круглая чаша (на шести ножках), / вокруг круглой чаши два ковши — / ковши с медовым напитком и ковши с щербетом (медовой сытой), / им Турй предназначено быть в одном месте*¹⁴.

Дверь являлась синонимом передней части *мал ен*. Восточная сторона избы являлась сакральной — это место в избе напротив двери или на крыльце, где проводились обряды моления. Функция двери как границы была обусловлена множеством запретов и предписаний. Считалось, что в дверном пространстве могут находиться злые духи, поэтому существовали ритуалы предохранительной магии, например, не становиться в дверях, не передавать ковши к дверям. Чувашки над дверью клали колючее растение, рябину, забивали таган у входа, над дверью вешали челюсть, чтобы в жилище не проникали злые духи, болезни, несчастье¹⁵.

Низким статусом обладало пространство около двери, почтительное отношение проявлялось к передней части от входа *тёпел*, по пространственному параметру — западной стороне жилища. Соответственно на шкале «восток — запад» внутри жилища проявляются социальные единицы не только по оппозиции «свой — чужой», но и «младший — старший», «потомок — предок».

Сакральный центр или почетное место в чувашской избе находилось, как и у тюркских народов, в середине передних нар на западной стороне¹⁶. Передняя часть была связана с божьим углом *тур кётессе*, обозначаемым у башкир словом *тур* — передний угол, и трапезным столом *кёреке*, у древних тюрков почетное место *тёр* находилось в середине передней стены. Она противопоставлена двери и пространству около нее как верхняя зона мироздания к нижней, миру предков. В этом проявляется амбивалентность горизонтальной и вертикальной плоскостей, отмеченная исследователями¹⁷.

Стол являлся принадлежностью семейных и общественных мест моления. С ним связаны поверья, например, нежелательно выносить стол без скатерти,

чтобы хозяева не обнищали. Когда член семьи собирался в дальний путь, перед его уходом не убирали со стола еду и посуду, не подметали и не мыли пол, не выливали грязную воду, чтобы в пути была удача. Согласно мифу, человек должен пройти через семь мостов, чтобы снять ограничения¹⁸.

Печь *камака* считалась местом обитания не только добрых божеств и духов: огня *Вут*, матери печи *Камака амайше* или домашнего духа *Хёрт-сурт*, хранителя дома *Пирёшти*¹⁹, но и злых духов *Инкек*, *Вунёр*. Добрым существам приносили жертвенные дары на печи, например, божеству огня *Вут*, чтобы оно очищало, а печь была теплой²⁰. Печь связывалась с различными ритуально-магическими действиями. Как и у многих народов, чувашские повитухи и знахари совершали «допекание» ребенка в печи. Тем самым проводится аналогия между печью и женским лоном. Для семантики приготовления пищи не менее важным также является подобное уподобление устья печи: «процесс приготовления пищи имитирует зачатие, вынашивание и рождение»²¹. Было характерно откалывание куска печи рекрутом — символа родного дома²². Чувашки новорожденных телят прикладывали к устью печи, чтобы выросли большими «как печь»²³. В целом печь представлялась одним из наиболее мифологизированных предметов, имеющая отгонную и оберегательную силу²⁴. С ней были связаны домашние божества, сакральные обрядовые действия, поверья и у соседних народов, в частности, мордвы²⁵.

При сбивании печи из глины соблюдали магические приемы и использовали обереги: клали по ее углам плоды рябины (от колдуна), а также шерсть (для тепла), деньги, зерна ржи (ради благополучия). Новой печи приносили подарок, адресовав его духу-покровителю дома. При битве печи в ее середину укладывали петуха в жертву божеству *Вут*. Когда в первый раз затапливали печь, смотрели на направление дыма: восточное — жизнь пойдет поступательно, западное — наступит регресс. Не одобрялось сидение пришедшего человека на печной лавке — это место для духов предков²⁶.

Наибольшим сакральным значением обладал дом старшего родственника по мужской линии *тён кил*²⁷.

¹⁸ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Сăнавсемпе ёненĕсем. С. 152, 182.

¹⁹ Симбирско-саратовские чувашки. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2004. С. 104.

²⁰ Подробнее о стратификации домашних духов-покровителей см. работы В. Г. Родионова, который как мифолог-компаративист реконструировал и стратифицировал домашних духов-покровителей Ама и Хёрт-сурт и др., показал эволюцию пространства внутреннего жилища чувашей и их предков: Родионов В. Г. Семантическая и хронологическая стратификация названий домашних духов-покровителей в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 268–276; Родионов В. Г. Эволюция пространства внутреннего жилища чувашей и их предков // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 136–145.

²¹ Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1983. С. 216.

²² НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 207. Листы 433–435.

²³ НА ЧГИГН. Отдел 3. Единица хранения 147. Лист 215.

²⁴ НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 650. Лист VI; Хисамитдинова Ф. Г. Указанное сочинение. С. 215.

²⁵ Девяткина Т. П. Указанное сочинение. С. 231–232.

²⁶ НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 179. Лист 34.

²⁷ Чувашки Присвяжъя: история и культура. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2015. С. 155.

¹³ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Пилсемпе келĕсем / пухса йĕркекене А. А. Ефимова, В. П. Станьял ; ум сăмахне сыраканĕ В. Г. Родионов ; ăнлантарусене сыраканĕ В. П. Станьял. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2005. С. 348.

¹⁴ Культура Чувашского края : учебное пособие. Чебоксары, 1994. Часть 1. С. 135–136.

¹⁵ Ашмарин Н. И. Указанное сочинение. Выпуск 1. С. 139–141.

¹⁶ Фукс А. А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань : Типография Императорского Казанского университета, 1840. С. 6.

¹⁷ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. Москва : Восточная литература, 1995. С. 216.

Например, в нем в первую очередь совершался обряд поминовения умерших *хывни*, потом — в порядке обхода в других домах²⁸. Считалось, что в нежилые дома и постройки вселялись злые духи, жилище за время отсутствия обитателей теряло статус человеческого.

Роль центра дома выполнял центральный столб *улчени* — *уша юпи*, который выступает в качестве оси мира *тёнке тёнёлё*, соединяющей все три уровня мира, символа Мирового древа²⁹. Он служил в качестве алтаря для свечей при совершении молений по тем или иным случаям. Здесь зажигали свечу *кил сурти* (букв. домовая свеча) и произносили моления о благополучии в доме, во дворе, в пути [Матвеев, 2021, с. 120]. У столба молились духу *Кил нуç* (главе дома), а также обращались к другим родовым центрам, например, киреметам. Столб *улчени* служил также жертвенником при обращении к духам предков, где зажигалась центральная свеча — связанное с культом предков магическое средство для контакта и общения с усопшими; в мифологическом сознании представляет собой создание белого света, тепла и дыма, направленного в иной мир. По представлениям древних людей, после зажигания свечи или света предок являлся к живым, его угощали для содействия благополучию живых. Свечи в честь умерших в семье ставились на стене около входной двери, возле окошка на задней стене для идущих в дом покойников, на чашке или каравае хлеба по периметру³⁰. На столбе зажигались свечи как в начале годового цикла — на *Майнун* (Великий день), так и в конце сезона — на *Юпа* или *Кёрхи сара* (осеннее пиво). Злые духи, проникающие в жилище, по верованиям, не могли пройти дальше *улчени*³¹. Поверье о существовании в опорном столбе некоего доброго божества можно встретить у ряда народов.

Нары или скамьи имели сакральное значение, особенно в связи с молениями и обрядами. Для обозначения множества поперечных досок нар пользовались магическими числами 66, 77, 88, 99. На Масленицу их мыли в одном направлении, чтобы хлеба не ложились летом в разные стороны. Для духов предков в дни поминовений предназначалась печная лавка³². В центре пола совершались наиболее значительные обряды в честь духов-покровителей домашнего очага — *Туркилли*, *Хёрт-сурт*, а также божества *Киремет*, связанных с благополучием семьи³³.

Окно служит для связи с внешним миром. Оно как нерегламентированный вход в дом используется нечистой силой и смертью³⁴. Чуваши верили, что душа при отделении от тела вылетает в окно. Волоковое отверстие *тёнё*, как и дверь, выступало границей семантических

полей «свой» и «чужой», как и подпол — нижняя часть дома, имеющая связь с иным миром. В ночь на *Калым* в окна, двери, заборы для защиты от нечисти втыкали рябиновые ветки. Проникновение в жилище через окно или чердак птиц предвещало беду³⁵. Очевидно, наличие у дома «глаз» (в том или ином виде) — необходимое условие его «оживленности», слепота — характерный признак потустороннего, мертвого. Таким образом, дверь, окно, слуховое отверстие на чердаке представляют собой границу между разными семантическими сферами, чем объясняются предохранительные меры, чтобы преградить злой силе доступ в мир человека.

Крыша и фронтоны выступают как символы неба, где слуховые окна часто принимают вид полумесяца или солнца с соответствующими резными элементами. Конские головы (коньки) украшали верх крестьянских кровель. В восточных районах встречались дома с украшением крыши со скульптурными коньками, выполнявшими роль оберега (с. Чутеево Янтиковского района Чувашской Республики, информант В. Л. Шерне, 2004). Олицетворение бога солнца в виде коня повлекло изображение коня в резном убранстве крестьянских изб у ряда народов в качестве древнего охраняющего образа. В основном был распространен мотив коня типа урхам, встречались также изображения петуха. На коньке крыши до сей поры нередко можно видеть орнитомы, особенно часто изображение петуха. Вероятно, такое оформление пришло к чувашам от финно-угорских народов Европейского Севера, прежде всего коми³⁶.

Чердак наделялся функцией верха, головы дома, хранителя и защитника дома, где обитает божество *Йёрёх*³⁷. При этом следует иметь в виду, что эта трехчастность, будучи поздней по своему происхождению, тем не менее соотносится с более архаичной моделью, при которой в роли границ выступали крыша и земляной пол, делившие космическую вертикаль на небо — дом — подземелье³⁸. Пол — нижняя граница жилого пространства; плоскость, наиболее приближенная к нижнему миру домашнего космоса — к подполью. Обитатели этого мира наделялись чертами демонизма. Человек в экстремальных ситуациях, например, при тяжелой болезни ребенка, как бы уподоблялся нечистой силе или вступал с ней в контакт. По народным представлениям, здесь обитает злой дух *Ийе*, «подменяющий» своего хилого дитя на здорового. «Подмененного» ребенка обмывали в подполье речной водой, знахарка передавала его через хомут на руки матери. Хомут здесь понимается как символический вход в тот мир и выход из него³⁹.

²⁸ Ашмарин Н. И. Указанное сочинение. Выпуск 11. С. 89.

²⁹ Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. Москва: Наука, 1980. С. 36–43.

³⁰ По верованиям, представляемое в виде кукол *Йёрёх* пукани божество, названное А. А. Трофимовым богиней домашнего очага, приносило благополучие и счастье дому [Трофимов А. А. Чувашская народная скульптура малой формы и ее истоки: опыт сопоставления с данными археологии // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. Чебоксары: Чувашский научно-исследовательский институт, 1985. С. 32–52.

³¹ Байбури А. К. Указанное сочинение. С. 177.

³² НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 31. Лист 65; Попова Е. В. Родильные обычаи и обряды бесермян // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня. Ижевск, 1996. С. 93–127.

²⁸ НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 180. Лист 240.

²⁹ Егоров Н. И. Указанное сочинение. С. 142. Работы Н. И. Егорова посвящены как тематической классификации мифов, так и отдельным мифологическим персонажам и сюжетам, в том числе по обсуждаемому в настоящей статье вопросу.

³⁰ Сбоев В. А. Заметки о чувашах: исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2004. С. 20.

³¹ Салмин А. К. Семантика дома. С. 43.

³² НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 159. Лист 468; Единица хранения 173. Лист 156.

³³ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Пилсемпе кĕлĕсем. С. 95, 179, 185.

³⁴ Топоров В. Н. Окно // Мифы народов мира. Москва, 1988. Том 2. С. 250.

Границей между двором (деревней) и внешней средой, защищавшей семейную территорию от вмешательства извне, являлись ворота и забор, замыкавшие пространство двора или деревни. На границе внутреннего и внешнего пространства, какой являлось местонахождение полевых ворот, конкретизируемое с помощью оппозиций, в частности «культура — природа», односельчане прощались с покойником, рекрут — с деревней и ее жителями. Свойство ворот как ритуального символа, обращенного одной стороной к человеку или центру, а другой — к природе или периферии может быть обозначено как его семантическая двунаправленность⁴⁰. Внешний мир мыслился опасным для человека и наделялся качеством враждебности. Сакральный смысл околица принимала в ритуалах, посвященных духам предков. Чуваши во время эпидемии для защиты от мора перед полевыми воротами жгли солому, а столбы ворот намазывали смолой, башкиры вспахивали землю⁴¹. Защитную способность обеспечивали различные поверья и обряды, к примеру, оторванная голова курицы выбрасывалась за ворота или за околицу в качестве жертвы духам, пришедшим за душой новоумершего, в случае смерти или заболевания члена семьи.

Изгородь (дубовый частокол) отделяла человеческое от неосвоенного пространства (глухого леса), препятствовала проникновению потусторонних сил в окультуренный локус. В огороде ставили куколки *йёрёх пукани* в качестве оберега⁴². В речи старшего дружки *саламалик* забор свата представляется сакральным в семь рядов, из жемчужины либо из золота⁴³.

Центром двора, по традиционному мировоззрению чувашей, являлся столб-жертвенник *мйн кёль*⁴⁴. Части жертвенного животного, к примеру барана, распределялись здесь, как и на святилище *Киремет*, между тремя мирами: мясо съедали люди (средний мир); шкуру и голову вешали на ветки (верхний мир) либо в столбе-жертвеннике устраивалось дупло, в котором хранились принесенные в жертву копыта, рога; кости выбрасывали, суп выливали усопшим (подземный мир)⁴⁵.

В некоторых случаях роль центра выполняли клеть и амбар для хранения хлеба, где молились об урожае, поставив ветку с сучьями и свечами на край сусека. Сакральным местом служила крыша лабаза, куда кидали жертвы для божеств верхнего мира. В мифах, где повествуется о низком нахождении неба, последнее показывается на уровне крыши лабаза⁴⁶.

На рубеже старого и нового года *Майнун* проводились очищение жилища (мыли стены изб, мебель, белили печи) и хозяйственных построек, уборка во дворе и на улице. Человек совершал ритуальные действия,

пытаясь изгнать болезни и нечисть или воздействовать на них в желательном для него направлении. Для этого в ночь на *Каләм* окуривались сады и хмельники, проводилось банное очищение. В очистительном обряде весеннего цикла *Сёрен* ритуал изгнания злых духов и болезней носил характер выбивания нагайкой или прутком стен, мебели, одежды, вещей в жилище.

Наряду с другими культурами существовал культ орнамента, обеспечивавший преемственность канона. Чуваши чаще использовали такие мотивы, как роговидные изображения животных, орнитонимы, изрезанные очертания звезд (астральный мотив), ярусность подзоров (аналогию с ярусами мира), многочисленные разновидности оберега⁴⁷. Как архаичный пласт орнамента отмечают изображение женской фигуры или мотив древа, в частности в центре композиции верхней доски наличника, гребня и карниза дома⁴⁸. На чувашском материале этот образ можно идентифицировать с образом *Кене* или богини (божества) земли и плодородия. Традиции резьбы по дереву живут поныне, хотя их значение не осознается. В составе геометрического узора стоит целая система образов, представлений о мире, включая космогонический мотив. В частности, розетка — это древний магический знак, символ солнца — это пожелание добра, счастья обитателям дома. В прошлом ее делали только рельефной, к примеру, на столбах ворот, на карнизе наличника, но потом она стала и сквозной. Распространен мотив круга, часто вписанным в него крестом, ромбом. По-прежнему они как бы продолжают нести охранительную функцию несмотря на то, что их первоначальный смысл забыт. Ромбы на пилястре, очелье и стойках наличника, карнизе занимали значительное место, они выражали женское начало в природе⁴⁹.

Обережная функция ворот усиливалась резным орнаментом, в котором ярко отразились мифологические представления чувашей. В открытом дворе основное внимание уделялось украшению ворот, что являлось отличительной чертой декоративного оформления у народов Поволжья. В орнаменте украшения воротных столбов воплощены мифологические сюжеты, связанные с оберегом: факелы с пылающим пламенем (культ огня), розетки и сияния (символ солнца), фазан (священная птица) или скульптурное изображение птицы на крыше ворот, бараний рог⁵⁰. В частности, часто встречающийся роговидный орнамент, представляющий собой древний магический знак, несущий охранительные функции, мог заменить розетку.

Изображения факелов с пылающим пламенем (колонны с пучком огня), вероятно, имеют связь с колоннообразными алтарями огня.

⁴⁷ Чижикова Л. Н. Указанное сочинение. С. 47.

⁴⁸ Симбирско-саратовские чувашки. С. 214.

⁴⁹ Трофимов А. А. Искусство: избранные труды. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2005. С. 365; Скворцов А. И. Русская народная пропиленная резьба. Ленинград: Художник РСФСР, 1984. С. 123.

⁵⁰ НА ЧГИГН. Отдел 2. Единица хранения 4. Листы 97–98; НА ЧГИГН. Отдел 3. Единица хранения 140. Лист 968; НА ЧГИГН. Отдел 8. Единица хранения 179. Таблица 38; Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2005. С. 59.

Они, как и многочисленные сияния, полусияния, розетки, возможно, связываются с пережиточными формами культа огня.

Изображения розеток, фазана, спиралей, образующих так называемый бараний рог, обнаруживаются в сюжетном орнаменте булгар. Приведенные искусствоведом Ф. Х. Валеевым образцы свидетельствуют, что в орнаменте воротных столбов чувашей и татар Заказанья имелось много сходных черт с одними и теми же мотивами⁵¹.

Магическая роль древнейшего орнамента на воротных столбах не исчезла не только в XIX, но и в XX в. Резчики пользовались древними знаками, символами и стилизованными изображениями, хотя первоначальный смысл старинных орнаментальных мотивов, имеющих мифологический характер, был утрачен⁵².

Многие орнаментальные мотивы традиционных воротных украшений чувашей восходят к ранней средневековой эпохе. Об этом говорят не только параллели в орнаментике ворот чувашей и казанских татар, булгарский материал, но и параллели с доисламской орнаментальной культурой народов Кавказа. В орнаменте ворот чувашей отразились сходства с мотивами резных окон в Южном Дагестане, с оформлением окон и дверей, каменным зодчеством и украшением древних каменных надгробий⁵³. Узоры последних напоминают орнамент воротных столбов и резной утвари.

Наряду с узором бараньего рога бытовал обычай вывешивания парных рогов крупного рогатого скота на ворота в качестве символа оберега (к приме-

ру, у присвияжских чувашей сохранился поныне)⁵⁴ (д. Бюрганы Буинского района Республики Татарстан, информант А. М. Малышев, 2002). Накладными узорами бараньих рогов снабжаются и наличники окон. На ворота прибавляется предмет оберега — более всего таган, напоминающий рог. Старинные типы ворот с резными столбами были выявлены во всех этнографических группах чувашей⁵⁵.

Выводы

В мифологии чувашей дом представлял собой компактную модель Вселенной, который связывал три уровня мира, являлся его центром. В этой связи символическую значимость приобретали части жилища и в горизонтальном плане: передняя почетная и задняя непочетная. Символом Мирового древа обладал центральный столб, где зажигали свечу центру дома и рода (матица, столб улчепи). Печь представляется местом обитания добрых божеств, хранителя домашнего очага, в то же время ее нижний уровень с венцами является пространством для злых духов. Она уподобляется женскому лону и связана с продуцирующей магией, является оберегом, отколота от печи часть — символом родного дома. Дверь и окна как границы между мирами получили множество запретов и предписаний.

Традиции резьбы по дереву и скульптурной его обработки у чувашей древние. В резьбе архитектурных элементов нашли отражение космогонические и магические представления, воплотились мифы, выявляются скрытые мифологические связи.

⁵¹ Валеев Ф. Х. Указанное сочинение. С. 56, 77.

⁵² Воробьев Н. И. Указанное сочинение. С. 143–147.

⁵³ Любимова Т. Н., Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Южного Дагестана: табасаранская архитектура. Москва: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1956. С. 26–35; Кильчевская Э. В. От изобразительности к орнаменту. Москва: Наука, 1968. С. 50–51.

⁵⁴ Тимофеев Г. Т. Тăхăрĕл (Сёве тăршшĕнчи чăвашсем) : этнографи очеркĕсемпе халăх сăмахлăхĕ. Шупашкар : Чăваш кенекĕ издательстви, 1972. С. 160.

⁵⁵ Матвеев Г. Б. Указанное сочинение. С. 53–65, 95–99.

Список литературы

Матвеев Г. Б. Жилище верховых чувашей и горных марийцев в контексте обрядов и мифологических представлений // Чуваш и марийцы — соседи по «общему дому» : материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). — Большой Сундырь, Кулаково: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2019. С. 350–361. EDN [KPAFGG](#)

Матвеев Г. Б. Традиционное мировоззрение чувашей в контексте урало-алтайской мифологии: представления о пространстве и времени // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары. 2019. № 14. С. 63–99. EDN [FZUNMH](#)

Матвеев Г. Б. Мифологические основы календарных обрядов чувашей // Исследования по этнологии чувашского народа : сборник статей. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2021. С. 107–155. EDN [XOSIWU](#)

Матвеев Г. Б. Некоторые параллели в мифологической картине мира чувашей и марийцев // Мари и чуваш: этнокультурный диалог в исторической перспективе : материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Красный Яр, 22 сентября 2023 г.). — Йошкар-Ола : Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. 2023. С. 336–342. EDN [LFKTYE](#)

References

Matveev, G. B. (2019). Dwelling of Upper Chuvash and Hill Mari in context of rites and mythological representations. *Chuvash and Mari people are neighbors in a «common home»*, 350–361. Bolshoy Sundyr, Kulakovo: Chuvash State Institute of Humanities. EDN: [KPAFGG](#)

Matveev, G. B. (2019). Traditional worldview of the Chuvash in the context of Ural-Altaic mythology: representation of space and time. *Chuvash Humanitarian Bulletin*, 14, 63–98. EDN: [FZUNMH](#)

Matveev, G. B. (2021). Mythological foundations of the Chuvash calendar rites. *Research on the Ethnology of the Chuvash People*, 107–155. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities. EDN: [XOSIWU](#)

Matveev, G. B. (2023). Some parallels in the mythological picture of the world of the Chuvash and The Mari. *Mari and Chuvash: Ethnocultural dialogue in historical perspective*, 336–442. Yoshkar-Ola: V. M. Vasiliev Mari Scientific Research Institute of language, literature and history. EDN: [LFKTYE](#)

Информация об авторе

Матвеев Георгий Борисович –
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Чувашский государственный институт
гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>;
e-mail: matweev.georgij@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.11.2025
Принята к публикации 10.12.2025
Опубликована 15.12.2025

Information about the author

Georgii B. Matveev – Cand. Sci. (Hist.),
leading research fellow,
Chuvash State Institute of Humanities of Ministry
of Education & Youth of Chuvash Republic,
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>;
e-mail: matweev.georgij@yandex.ru

Received 20 November 2025
Accepted 10 December 2025
Published 15 December 2025